

Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций

Александр В. Жабров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhabrov.a@rggu.ru*

Аннотация. Термин «институт» применялся мыслителями на протяжении веков. При этом более-менее четкого и единого определения этой категории долгое время не существовало. И сегодня в этой сфере остаются нерешенные противоречия, да и изменчивость представлений очень высока. В статье рассматривается вопрос интерпретации и операционализации одного из ключевых понятий политической науки – «политический институт». Актуальность работы обусловлена недостаточной методологической определенностью данного понятия в современной российской политологии, без чего невозможно исследовать структуру российской политической системы и процесс ее развития, а также проблемы, возникающие в ходе институционализации политической жизни. Научная новизна данной статьи прослеживается в установлении общих тенденций эволюции представлений об институтах и выделении ключевых этапов данного процесса. Рассматриваются и описываются отличия философского и научного взглядов на институты. В рамках каждого из них также выделяются базовые периоды со своими особенностями. Описывается то влияние, которое оказали на развитие институциональных исследований фундаментальные подходы классической политологии (системный, структурно-функциональный, поведенческий и др.). Отдельно рассматриваются современный (неоинституциональный) этап развития представлений об институтах и процесс формирования «нового взгляда» на них. В заключение предлагается отвечающая требованиям времени интерпретация исследуемой категории.

Ключевые слова: методология, категории политической науки, политические институты, институционализм, системный подход, структурный функционализм, бихевиорализм, «новая» институциональная теория

Для цитирования: Жабров А.В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 28–45. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45

Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations

Alexander V. Zhabrov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zhabrov.a@rggu.ru*

Abstract. Thinkers have used the term «institute» for centuries. At the same time, there was no more or less clear and uniform definition of that category for a long time. Even today there are unsolved oppositions in the area, and the dynamics of ideas is very high. The article deals with the interpretation and operationalization of one of the main concepts of political science – «political institution». The relevance of the work is caused by insufficient methodological definiteness of the term in modern Russian political science. Such insufficiency makes it impossible to study the structure of the Russian political system and the process of its development and the issues that appear during the institutionalization of political life. The scientific novelty of the article can be traced in the establishment of general trends in evolution, the idea of institution and identification of the main steps of that process. The article considers and characterizes differences between the philosophical and scientific views on institutions. Base periods with their own specifics are also considered within each of them. It describes the influence that the basic approaches of classical political science (systematical, structural-functional, behavioral, etc.) had on the development of institutional research. The modern neo-institutional step of the development of ideas about institutions and the formation of a «new look» at it is considered separately and specifically. At the end of the article, the relevant definition of the main concept is provided.

Keywords: methodology, categories of political science, political institutions, institutionalism, system approach, structural functionalism, behaviorism, «new» institutional theory

For citation: Zhabrov, A.V. (2022), “Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 28–45, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45

На судьбоносном конгрессе под эгидой ЮНЕСКО 1949 г., поставившем точку в обособлении и формализации политической науки, помимо прочего, было определено предметное поле политологии. Одной из главных категорий в нем оказалось понятие «политический институт». При этом, с нашей точки зрения, интерпретации и операционализации данного термина уделяется

незначительное внимание, особенно среди российских ученых. Несмотря на широту использования понятия, представляется, что оно далеко не всегда несет определенную смысловую нагрузку. А иногда случается и так, что черты институтов находят у разных политических практик и процессов или у социальных групп. Например, вот что пишет Л.А. Иванова: «...институционализации политической элиты – это процесс формирования специфических отношений, которые определяются нормативным регулированием и авторитетным воздействием группы лиц на принятие значимых государственных политических, экономических и социальных решений. В свою очередь результативность процесса институционализации политических элит определяется степенью одобрения населением деятельности политических институтов» [Иванова 2019, с. 259]. Такой подход, почти отождествляющий понятия «социальная группа» и «политический институт», представляется нам не вполне методологически обоснованным. Данная статья посвящена актуальной для российской политологии проблеме интерпретации термина «политический институт». Изложенные здесь материалы об эволюции и современных взглядах на данную категорию могут способствовать большей точности при использовании понятия, повышению определенности в процессе применения неинституционального подхода, формированию так называемого институционального мышления.

В наиболее общем виде историю эволюции представлений о социальных институтах можно описать как процесс движения от метафизического, идеалистического, дедуктивного, экзогенного и формализованного взгляда в сторону научного, позитивистского, индуктивного, эндогенного и ценностно-ориентированного восприятия. В целом этот процесс включает в себя два базовых периода: философский и научный. Несмотря на то что научный период интересует нас гораздо больше (и тоже может быть разделен на существенно отличающиеся друг от друга этапы), начать все же необходимо с философского, хотя бы потому, что он является куда более протяженным во времени.

Впервые термин «институция» встречается в трудах античных римских юристов, одна из заслуг которых как раз и состояла в том, что они превратили право из разрозненных, фрагментарных, неустойчивых правовых обычаев в иерархизированную, структурированную, нормированную и стабильную систему (другими словами, произвели институционализацию права). Однако изначальное понимание институтов было далеким от современных подходов. Римские юристы понимали под институциями четкие и формализованные правовые «установления», состоящие из нескольких норм права

(и только). Такая трактовка лишена большей части признаков социальных институтов.

Возрождение интереса к понятию «институт» и существенная трансформация его значения начались в Новое время. Одним из первых, в социальном, а не чисто правовом смысле, данное понятие употреблял итальянский просветитель, философ, один из предтеч социологической науки, Джамбаттиста Вико. В начале XVIII в., рассуждая о природе наций, социальных законов и государств, он указывал на существенное влияние институтов, которое простирается далеко за пределы правовых вопросов (читай, использовал историко-сравнительный и детерминистский подходы). Развивал ту же логику немецкий философ и идеалист Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он особо указывал на роль институтов в процессе создания и функционирования государства. Отмечая, что институты находят свое выражение в рационально сформулированных и одобряемых большинством правилах, Гегель писал, что институты «составляют государственный строй, т. е. развитую и осуществленную разумность, прочный базис государства, равно как и базис доверия и настроенности индивидов по отношению к нему»¹.

Стоит отметить, что в этот период представления об институтах носили интегративный характер. Мыслители, философы и обществоведы не пытались четко разграничивать различные типы институтов (политических, экономических и культурных; формальных и не формальных; государственных и общественных и т. д.). Именно попытки типологизировать и классифицировать институты ознаменовали начало перехода от философско-идеалистического к научному периоду их изучения. Первые шаги в этом направлении были сделаны английским эволюционистом и социологом Гербертом Спенсером. Он классифицировал институты (под которыми понимал механизмы самоорганизации совместной жизни людей) на основе выполняемых ими социальных функций и ролей в процессе развития общества и государства. В итоге Спенсер выделил пять разновидностей институтов: семейные, церемониальные, церковные, профессиональные и политические (государственные).

Таким образом, начало философскому периоду в развитии представлений об институтах положили античные римские юристы, которые трактовали данную категорию довольно узко, как строгие правовые установления. В Новое время представления об институтах расширились. В целом они носили интегративный и нормативный характер, воспринимались как экзогенный

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Под ред. П.Н. Федосеева, В.В. Соколова [и др.]. М.: Мысль, 1990. 201 с. (Философское наследие)

и детерминирующий по отношению к обществу феномен, рассматривались прежде всего формально, а интерпретировались и надеялись определенными признаками весьма субъективно.

Научный период исследования социальных институтов вообще и политических институтов в частности берет свое начало на рубеже XIX–XX вв. и является еще менее однородным, чем предыдущий. В рамках этого периода можно выделить несколько основных этапов, каждый из которых далее будет рассмотрен подробнее.

Первый этап протекал на базе классического институционализма (мы будем называть его «классическим», чтобы избежать путаницы, поскольку нам предстоит столкнуться еще и с «новой» институциональной теорией). Попытки классифицировать институты привели исследователей к четкому пониманию того, что в каждой из сфер общественной жизни существуют свои институционализированные образования (юридические, экономические, культурные, политические и т. д.) с характерными особенностями. Слава создания классического институционализма принадлежит трем научным направлениям: экономике, юриспруденции и политэкономии. Это наложило определенный отпечаток на положения данного подхода. Во-первых, основное внимание уделялось формальной стороне дела – конституциям, законам, уставам, организационно-правовым документам, бухгалтерским книгам и др. Во-вторых, двигателем социального развития считалась прежде всего экономическая сфера жизни общества. Классики институционализма отмечали большое влияние политических, правовых, социальных, культурных феноменов на общественную эволюцию, но роль первой скрипки в ней отдавали экономике. В-третьих, институционализм представлял собой одну из первых попыток создания интегративной теории, объединяющей социально-гуманитарные науки, поскольку утверждал, что явления, процессы и институты в разных сферах общественной жизни находятся в тесном взаимодействии и неразрывной коэволюционной связи.

В числе основоположников подхода в первую очередь принято называть Уилтона Гамильтона (который впервые использовал термин «институционализм») и Торстейна Веблена (автора фундаментального труда «Теория праздного класса»)². Последний, рассуждая об экономической жизни, рассматривал в качестве составляющих институтов нормы и традиции, закреплённые в законах, а также структуры и организации, возникающие на их основе. Важно отметить, что институционалисты понимали значение обычаев

² См.: Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Сорокиной. М.: Либроком, 2011. 368 с.

и традиций, ценностей и культуры, паттернов человеческого поведения, но полагали, что становление институтов происходит лишь в процессе формализации (читай, нормативно-правового и организационного закрепления) вышеперечисленного. Иными словами, в рамках классического институционализма исследователи стремились отказаться от анализа властных и управленческих отношений в обществе с позиций так называемого политического человека. Они отдавали приоритет не субъектам политики, их действиям, мотивам и т. п., а организационным, систематизированным, формализованным формам политической жизни. В частности, Макс Вебер трактовал политические институты подобным образом, характеризуя их через разумные правила и силы, способные заставить этим правилам последовать. В его трактовке, политический институт – рациональное упорядочение средств и целей политического поведения общепринятыми и общеизвестными установлениями. Указывая на суть институтов, он утверждал: «Насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено органами института, посредством их специальных функций»³.

Несмотря на все расширительные трактовки понятия «институт», концептуальную запутанность классического институционализма, «размывание» границ между науками и типами институтов, в рамках данного подхода сложилось научное представление о политических институтах. Если пытаться интерпретировать их, как это делали классики институциональной теории, то можно предложить следующее определение: политический институт – это совокупность стабильных, рационализированных, формализованных и публичных норм и правил, на основании которых субъекты политики приобретают организационный характер, обеспечиваются устойчивость политической жизни и контроль над соблюдением ее базовых законов.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что, несмотря на всю критику и методологические проблемы, именно классический институционализм стал одним из первых фундаментальных подходов в рамках политической науки. Он доминировал в первые два десятилетия XX в. во внутривполитических исследованиях и являлся одним из базовых во времена становления сравнительной политологии.

Старт следующему этапу в развитии представлений об институтах дало появление в авангарде политической мысли двух новых подходов – системного и структурно-функционального. Благодаря им исследователи смогли перейти от констатации факта

³ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 7.

существования институтов к определению их места в политическом процессе, рассмотрению их внутреннего строения, изучению той роли, которую они должны и могут играть в политике, и т. д.

Чем именно обогатили системный подход и структурный функционализм институциональную политологию? В частности, классические модели политических систем сделали очень многое для развития представлений об институтах. Так, модель Дэвида Истона позволила классифицировать институты на основании их места внутри системы. Например, к институтам «входа» относятся партии, СМИ, структуры гражданского общества, институты политического представительства интересов, лоббизм, институты электронного правительства и т. д. Внутри «черного ящика» главными являются законодательные и правительственные институты, парламентаризм, президентство, параконституционные органы и др. И, наконец, на «выходе» из политической системы находятся институты исполнительной ветви власти, правоохранительные и судебные институты, контрольно-надзорные структуры и т. п. Другая классическая модель политической системы Габриэля Алмонда делает упор на совокупности всех взаимодействующих друг с другом политических статусов и ролей. Уточним, что под статусом понимаются формальное место субъекта в политической иерархии, его нормативно-правовое положение, должностные обязанности и др. А роль – конкретная практическая деятельность субъектов политики, их эффективность, результативность и степень реального влияния на политический процесс. Соединять эти элементы и обеспечивать их взаимодействие в целях стабилизации политических порядков должна главным образом политическая культура конкретного общества, которая и занимает в структуре политической системы фундаментальное положение, т. е. принципиальное значение имеют не только институты, но и взаимосвязи (причем многообразные) между ними. Более того, у институтов есть не только формальная (нормативно-правовая) основа, но и неформальная (ценностная, культурная). Развить идею Алмонда о важности взаимодействий между элементами политики позволяет еще одна «классическая» модель политической системы, разработанная Карлом Дойчем. Ключевым для нее являлся информационно-кибернетический подход. В модели Дойча обеспечение коммуникации между элементами системы предстает ключевой функцией многих (если не всех) политических институтов. Помимо этого, каждый из них сам по себе может быть рассмотрен как информационно-коммуникационная система, т. е. функционирование никакого политического института невозможно без внутреннего и внешнего информационного обмена между его элементами и средой.

Исходя из всего вышесказанного, в рамках институциональной теории политическая система общества может быть определена как совокупность институтов, форм и способов взаимодействия между ними, а также неинституционализированных акторов процесса осуществления власти и управления в обществе. Добавим, что институты функционируют в рамках каждой из подсистем политической системы. Так, например, внутри ценностной подсистемы можно говорить о существовании института репутации или о политическом аспекте института морали; в рамках коммуникативной подсистемы действуют институт СМИ, общественного мнения, институт лоббизма и т. д. Однако большинство политических институтов (по крайней мере, в их традиционном понимании) охватывает в совокупности нормативную и организационную подсистемы. Другими словами, институты представляют собой союзы (организации), сформированные на основе правил политической игры и оказывающие существенное влияние на политический процесс. Таким образом, политическая система складывается из формальных и неформальных институтов, особенностей их функционирования, взаимодействия между ними и обществом, а также политической культуры (сознания и поведения) властной элиты и социума.

В итоге системный подход применительно к институтам позволил утверждать следующее:

- в полном соответствии с принципом иерархичности каждый политический институт может быть представлен как отдельная система. В свою очередь, политическая система может быть представлена в том числе как система политических институтов;
- институты являются важным, но не единственным элементом политической системы;
- многие характеристики политических систем задаются интересами доминирующих в политике акторов и социальных групп, а политические институты существуют в том числе для реализации этих интересов;
- важным элементом системы является ее динамическая составляющая, причем не только развитие (или деградация) в целом, но и внутренняя динамика (политический процесс, формы и способы взаимодействия между элементами, выработка политических решений, механизм «обратной связи» и пр.). Классический институциональный подход не учитывал динамической (процессуальной) грани институтов. Таким образом, системный подход сделал шаг вперед на пути от статических к динамическим интерпретациям политических институтов.

Взаимосвязанно с системным (а точнее, логически и методологически неотделимо от него) развивался структурно-функциональный

подход в политической науке. Он обращает особое внимание на место элементов политики в ее иерархии (структура политической жизни) и их роль в политическом процессе (функции). Структурный функционализм обогатил институциональную теорию представлениями о деятельности институтов. В их интерпретации стали присутствовать ключевые функции. Среди них: обеспечение устойчивости и стабильности политических порядков; подчинение общества нормам и правилам, включая применение санкций за их нарушение; интеграция граждан в политическую жизнь на основе господствующих в государстве принципов и норм; распределение дефицитных благ; оптимизация взаимодействия между социальными и политическими, общественными и государственными субъектами и структурами и т. д.

Более того, структурный функционализм обратил внимание еще на один аспект деятельности политических институтов – их эффективность, соотношение функций и дисфункций. Последнее зависит от соответствия институтов требованиям времени, сочетания ожидаемых и побочных, открытых и латентных, позитивных и негативных последствий их существования и др. Подчеркнем, что именно от степени эффективности и разветвленности сети политических институтов в первую очередь зависят устойчивость и стабильность современных политических систем, результативность их деятельности, достижимость социально значимых целей.

В 50–70-е гг. XX в. в политической науке стала активно развиваться поведенческая парадигма. Изменения взгляда на предмет исследования были настолько масштабны, что этот этап в развитии политологии стали частенько именовать революционным. Если ранее анализу подвергались преимущественно наиболее крупные объекты и явления политической жизни (институты, политические системы, государства и т. д.), то теперь внимание исследователей стало сосредотачиваться на микроуровне политики (электоральное поведение, политические предпочтения, психологические особенности акторов, мотивы и потребности и т. д.). Очевидно, что эти изменения не могли не затронуть представлений и об институтах. В отличие от деятельностных и функциональных теорий бихевиорализм не ограничивался описанием рациональных интересов, сознательных действий, последовательных и устойчивых моделей участия в политике. Деятельностные теории хорошо соотносились с классическим представлением об институтах – как о доминирующих экзогенных структурах, базирующихся на строгих нормах и правилах, лишенных эмоциональности и импульсивности (да и вообще самостоятельности). Прагматичность, рациональность и целенаправленность институтов были продиктованы строгостью и формализацией принципов их деятельности. Благодаря

поведенческому подходу политическая наука получила возможность исследовать множество новых аспектов политической жизни. Вот лишь некоторые черты «бихевиоральной революции»:

- у политического процесса появилась новая движущая сила – человеческое поведение. Бихевиоралисты отвергли идею о том, что политику формируют масштабные тектонические сдвиги, глобальные исторические процессы, закономерности в развитии государств. Куда более важной они видели активность людей (их политическое участие);

- политические исследования перешли на новый микроуровень. Бихевиорализм позволил заняться невиданными доселе вопросами: взаимосвязи ролей, мотивов и специфики принятия решений отдельными людьми (микро- – микроуровень), влияния граждан на политические структуры и процесс (микро- – макроуровень), влияние больших коллективных и формализованных политических акторов на поведение и сознание людей (макро- – микроуровень);

- изменился главный предмет политологии. Если раньше в центре политического исследования, так или иначе, находилось государство, то теперь его сменил индивид. Подобно тому как люди эпохи Возрождения переместили свой взгляд на отдельного человека (образно говоря, он стал центром их «картины мира») в философии, науке и искусстве, в ходе поведенческой революции политологи обратили пристальное внимание на индивида и его роль в политике. Именно человек, а не огромные политические системы, левиафаны-государства, строгие и требовательные институты, по мнению бихевиоралистов, стал диктовать условия политической жизни. В рамках этого подхода потребности и интересы индивида, его психика, реакции, поведение и деятельность первичны. Именно они определяют все то, что потом сложится в макрополитические структуры. По сути, в качестве девиза бихевиорального подхода можно использовать знаменитое высказывание греческого философа Протагора: «Человек есть мера всех вещей!».

Понятно, что в рамках данного направления политическим институтам отводилась второстепенная роль. Они были вытеснены на периферию политического процесса. Тем не менее они не исчезли из исследовательского пространства и смогли «ужиться» с революционной методологией. Бихевиоральный подход существенно расширил возможности по исследованию неформальной стороны функционирования институтов. И главное, подход позволил наглядно и подробно продемонстрировать процесс возникновения политических институтов. Благодаря поведенческому подходу очевидной стала не только историческая обусловленность

институтов, но и процесс их «созревания». В наиболее общем виде схема выглядит следующим образом:

1) у людей возникают потребности (состояние дискомфорта) и интересы (осознанные потребности) в сфере политики или в процессе соприкосновения с ней;

2) на основании потребностей и интересов люди начинают проявлять активность: политическое поведение и деятельность соответственно. Одни виды активности достигают целей, другие оказываются нерезультативными. Происходит своего рода «естественный отбор» наиболее эффективных типов политического участия;

3) вокруг наиболее эффективных стратегий начинают «скапливаться» люди, возникают объединения, союзы, группы давления и т. д.;

4) эти объединения начинают «обрастать» сначала неформальными, а затем и формализованными правилами политической игры: возникают политические организации, а впоследствии и институты;

5) и наконец, из совокупности институтов, взаимодействий между ними и поведения акторов складываются политические системы.

Таким образом, столь незначительные на первый взгляд феномены, как политические потребности и интересы отдельных индивидов, являются тем фундаментом, той почвой, на которой постепенно вырастают масштабные политические институты и системы. Именно от микрополитических объектов зависит в первую очередь, какой облик они приобретут на макроуровне.

Постепенно стал возникать компромисс между исследованиями микро- и макрополитики. Он заключался в признании важности и человеческого поведения, и институтов одновременно. И «правила игры», и то, как игроки понимают эти правила, интерпретируют их, ведут себя в соответствии или вопреки им, пытаются использовать их в своих интересах и т. д., одинаково важно и первостепенно для политического процесса. Другими словами, «новый взгляд» на институты заключался в понимании того, что они – не единственная сила, детерминирующая политику. Анализа норм и принципов без учета того, как они применяются конкретными акторами в конкретных условиях, оказалось недостаточно.

Попытки создания комплексного подхода (учитывающего ценностные и нормативные основы политики, макро- и микросубъектов, использующего количественные и качественные методы и т. д.) стали предприниматься в 1970-е гг. в рамках «нового» институционализма, который и сегодня остается одним из наиболее перспективных теоретических направлений в исследовании политики.

И вновь на помощь политологии пришла экономическая наука, в которой впервые были сформулированы исходные принципы неoinституционального подхода. Вот некоторые из них. Во-первых, главную роль в экономике играет «экономический человек» (равно как «политический человек» в политике). Это означает, что потребитель, работник, предприниматель, производитель, инвестор и т. д., его интересы и поступки первостепенны. Во-вторых, важным принципом нового подхода стала идея социального конструктивизма, которая доказывает, что акторы, интересы, предпочтения являются социально «сконструированными», т. е. формируются внутри самого общества в процессе общественных отношений и эволюции. Интерес исследователей в рамках данного подхода сфокусирован преимущественно на неформальных институтах, складывающихся на основе системы ценностей, традиций, привычек и др., предписывающих определенные сценарии поведения в определенных ситуациях. Сценарии эти распространяются в ходе социальных практик и закрепляются в сознании большого количества людей, превращаясь, таким образом, в институты. В-третьих, развитие политэкономической теории общественного выбора, в рамках которой политика трактуется как «процесс обмена», особый тип рынка по аналогии с товарным. На этом рынке участники политических отношений меняют голоса избирателей на программы и обещания, посты на лояльность и свои профессиональные навыки, идеи на реальную власть и т. п. Институт государства – это арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, доступ к распределению ресурсов, места во властной иерархии, извлечение выгоды, максимизацию прибыли и удовлетворение определенного рода потребностей и интересов. В-четвертых, широкое применение концепции транзакционных издержек, т. е. затрат, возникающих в процессе социального взаимодействия и сопровождающих их. Другими словами, это «цена» самих взаимодействий между субъектами социальных отношений. В политике транзакционные издержки часто связаны с типом политического режима (сравните, например, где «дешевле» заниматься оппозиционной деятельностью: при демократии, авторитаризме или тоталитаризме), а также со степенью и типом политической стабильностью (в ходе революционной ситуации риски участия в политике существенно возрастают, впрочем, растут и возможные выгоды).

Относительно интерпретации политических институтов в рамках «нового» институционализма обратимся к основоположникам подхода. В частности, лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт определяет понятие «институт» как «правила игры», организующие взаимоотношения между людьми и структурирующие

«стимулы обмена» в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни. Он определяет институт как «набор правил, а также процедуру соответствия морального и этического поведения индивидов интересам максимизации их дохода» [Норт 1997, с. 7]. В политической сфере вместо доходов можно говорить об управленческих целях. Но куда важнее другое. Норт, помимо правил, включает в структуру института отношение человека к этим правилам. Причем отношение складывается из прагматической («максимизация дохода») и ценностной (мораль и этика) составляющих. Норт продолжает: «...институты – это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы и модели поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» [Норт 1997, с. 7]. Другими словами, институты существенно шире формальных норм и правил. Если законы могут быть приняты или изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы меняются постепенно. Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов. Более того, именно из-за неформальных норм институты устойчивы и «долговечны», но в то же время и нединамичны. Вторит ему еще один из классиков неоинституционального подхода Нил Флигстин, для которого институты – это «правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны» [Флигстин 2013, с. 63]. Наглядно продемонстрировать, как изменилась интерпретация политических институтов и расширилось число их признаков, можно при помощи определения, предложенного российским политологом, профессором Германом Дилигенским: политические институты – это «относительно устойчивые компоненты общественной жизни, включающие: 1) социально признанные нормативно-ценностные системы; 2) эталоны социального поведения; 3) формы организации социальных связей людей; 4) функциональные органы управления и регулирования, обеспечивающие кодификацию социальных норм и контроль за их соблюдением, формирующие общественные цели и потребности и организующие процесс их реализации» [Дилигенский 1997, с. 10].

Таким образом, политический институт – это правила, не только принятые ключевыми властными акторами, но и воспринятые субъектами политического процесса. Другими словами, внутри института присутствуют нормы установленные (официально или социально), усвоенные (понятые определенным образом) и освоенные (регулярно используемые в ходе социальных

взаимодействий). Это означает, что институты стали восприниматься как своего рода социальные «заменители инстинктов». Следовательно, неоинституциональный подход существенно расширил и дополнил представления о политических институтах. Во-первых, к предметам исследования добавился целый пласт неформальных институтов, которые классический институционализм игнорировал (поскольку не обладал соответствующей методологией). Во-вторых, стержнем институтов перестали считаться документы (законы, кодексы, уставы), а стало их закрепление в сознании людей. В-третьих, если ранее институты считались внешним (экзогенным) фактором, определяющим политические отношения (М. Вебер писал, что «насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено органами института...»), то теперь благодаря идее социального конструктивизма институты стали внутренним (эндогенным) фактором, т. е. формирующимся самим обществом в процессе социальных отношений. В-четвертых, куда более глубоким стало понимание общественного значения институтов. Если в первой половине XX в. главной их функцией считалось применение санкций (за нарушение правил) и удовлетворение интересов доминирующих субъектов политики, то теперь зафиксирована их ключевая социальная роль – снижение неопределенности и повышение устойчивости и эффективности политического процесса. И, в-пятых, институционалисты рассматривали правила и нормы, лежащие в основе институтов, союзы, образованные благодаря этим правилам и их институционализации, без учета внутренних особенностей людей, составлявших эти союзы. Их личностные и психологические черты, ценностные ориентации и установки не учитывались в качестве сколь-нибудь значимых факторов в процессе становления и функционирования институтов, а сами институты мало влияли на структурные элементы личности их членов. Теперь неоинституционалисты отметили, обосновали и стали исследовать взаимообусловленность и взаимозависимость микро- и макроуровня политики внутри институтов и в процессе их функционирования.

На наш взгляд, будет уместна следующая аналогия: классический институционализм рассматривал институты как задокументированный свод правил и санкций за их нарушение, своего рода кодекс; тогда как новый институционализм воспринимает институты как результат «прочтения» этого кодекса конкретными социальными субъектами, его закрепления в сознании и регулярного применения на практике. Ясно, что в случае с неформальными институтами задокументированных кодексов вообще не требуется, а институты сразу вызревают в сознании людей.

Подытоживая и обобщая вышеизложенное, можно выделить несколько основных этапов в процессе эволюции представлений о социальных и политических институтах и трансформации интерпретаций данной категории.

Первый этап – формально-юридический (I–III вв.) – связан с деятельностью основоположников римского права. Институты трактовались довольно строго и узко как комплексы правовых норм (установления), регулирующие определенные правоотношения. Таким образом, они имели юридическую природу, являлись частью позитивного права и существовали строго в задокументированной форме.

Второму – теологическому этапу (IV–XIV вв.) – в статье мы особого внимания не уделяли. Однако ради исторической справедливости упомянуть его необходимо. На данном этапе термин «институт» практически не использовался. Однако в представлениях (которые были характерны не только для европейской патристики и схоластики, но и для исламской теософии) о строгих и неизменных установлениях свыше, регламентирующих общественные и политические отношения, можно при желании разглядеть институциональный аспект. На данном этапе институты не выделялись как отдельный социальный феномен, имели божественную природу, обладали внешним по отношению к социуму происхождением и функциями и носили характер строгих требований.

Третий этап – философско-идеалистический (XVII–XIX вв.) – существенно расширил «зону действия» институтов. Просветители, мыслители эпохи Нового времени вернулись к использованию данной категории, продолжали воспринимать их как правила, но правила далеко простирающиеся за пределы юридических норм. Стало отмечаться влияние институтов на общество, государство, политику и даже культуру. При этом зачастую влияние это носило экзогенный, детерминирующий и идеалистический характер (представлялось, что следование этим правилам гарантировало наилучшее устройство социальной жизни). Институты оставались интегративной категорией, поскольку их типологизации внимания фактически не уделялось.

С четвертого этапа, который можно было бы назвать классическим или нормативно-правовым (1900-е – 1930-е гг.), начинается осмысление институтов в рамках институционального подхода. Институты стали классифицироваться и дифференцироваться (по сферам общественной жизни, происхождению, целям и т. п.) С одной стороны, вновь повысилось внимание исследователей к правовой и формальной стороне вопроса, с другой – стали учитываться историческая обусловленность, обычаи и традиции,

социокультурный контекст. Роль политических институтов состояла в насаждении разумных правил государственного и общественного управления, их формализации и предании им публичного характера, создании на их основе структур и организаций и наложении санкций за их несоблюдение.

Пятый этап – структурно-функциональный (1930-е – 1960-е гг.) – связан с доминированием системных теорий в политологии. Приоритетное внимание стало уделяться внутреннему строению институтов и их месту в политической иерархии, эффективности их деятельности, роли в управленческом процессе, соотношению функций и дисфункций (и причинам их возникновения). Классики системного подхода и структурного функционализма обогатили представления об институтах идеями о роли политической культуры и коммуникаций в процессе их становления и функционирования, о наличии формальных и неформальных оснований деятельности и т. д.

Шестому этапу – бихевиоралистскому (1950-е – 1970-е гг.) – соответствует представление о периферийной роли политических институтов. «Поведенческая революция» перенесла предмет исследования на микроуровень политики. Тем не менее институционалисты получили представления о том, как формируются институты (из человеческих потребностей и интересов). Стало понятно, что поведенческие, эмоциональные и психологические факторы нельзя не учитывать даже при анализе макрополитических объектов. Окончательно закрепилось представление об эндогенной (по отношению к социуму) природе институтов.

На современном – неoinституциональном – этапе (с 1980-х гг.) сформировался обновленный взгляд на политические институты. Он связан с необходимостью учитывать рациональные и эмоциональные условия; формальные и неформальные правила; макро- и микрополитические факторы; нормативные, когнитивные, ценностные и деятельностные аспекты функционирования институтов и др. Сегодня институты воспринимаются как эндогенные образования, определяющие сущность социального взаимодействия, результат преломления в сознании людей и применения на практике норм различной природы. Внутри каждого политического института можно выделить как минимум нормативную, структурно-функциональную и политико-культурную подсистемы.

Таким образом, история эволюции представлений о политических институтах и интерпретаций данного понятия чрезвычайно многогранна, местами противоречива и охватывает пару тысячелетий. Термином «институт» (или «институция») пользовались многие философы и обществоведы, не всегда четко и однозначно

поясняя, что именно они в него вкладывают. С обособлением социально-гуманитарного знания в XIX–XX вв. это понятие стало предметом научного анализа и осмысления. Но даже сегодня возникают проблемы с терминологической определенностью данной категории. Сейчас неоинституциональный подход является одним из базовых в политической науке. Сегодня ни одно комплексное политологическое исследование не может обойтись без применения его положений. Именно в рамках «нового» институционализма стоит искать отвечающую требованиям времени интерпретацию политических институтов. В заключение предложим определение, соответствующее, на наш взгляд, базовым принципам современного состояния институциональной политологии: политический институт – это совокупность социально сконструированных, усвоенных и освоенных, устойчивых норм, правил и принципов (как формальных, так и неформальных), на основании которых осуществляется публичная власть, функционируют и реализуют свои цели ключевые субъекты управленческого процесса.

Литература

- Дилигенский 1997 – *Дилигенский Г.* Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 7. С. 5–12.
- Иванова 2019 – *Иванова Л.А.* Особенности институционализации политической элиты // *Социология.* 2019. № 4. С. 257–265.
- Норт 1997 – *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики.* 1997. № 3. С. 6–12.
- Флигстин 2013 – *Флигстин Н.* Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / Пер. с англ. А.А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.

References

- Diligenskii, G. (1997), “Political institutionalization in Russia: socio-cultural and psychological aspects”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 7, pp. 5–12.
- Fligstein, N. (2013), *Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sociologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka* [The Architecture of Markets. The Economic Sociology of 21st-Century Capitalist Societies], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.

Ivanova, L.A. (2019), "Features of the institutionalization of the political elite", *Sociologiya*, no. 4, pp. 257–265.

North, D. (1997), "Institutional changes: the framework of analysis", *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 6–12.

Информация об авторе

Александр В. Жабров, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhabrov.a@rggu.ru

Information about the author

Alexander V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zhabrov.a@rggu.ru